



М. СОСНОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ОГРАБЛЕНИЯ ЛУВРА

18+

М. Сосновская

История ограбления Лувра

«Автор»

2026

Сосновская М.

История ограбления Лувра / М. Сосновская — «Автор», 2026

Представьте: ясное парижское утро. Туристы стекаются к стеклянной пирамиде Лувра, чтобы прикоснуться к прекрасному. Они еще рассматривают афиши, когда в ста сорока метрах от них начинается обратный отсчет. Восемь минут, которые потрясут музейный мир. Грузовик с автовышкой бесшумно тянется к окну Галереи Аполлона. Звук дисковых пил, разбитое стекло, паника в залах и — пустые витрины, откуда исчезли сокровища французской короны. Эта книга — не просто хроника дерзкого ограбления. Это история, которая оказалась реальностью. Вы узнаете, как мелкие правонарушители из неблагополучного пригорода умудрились провернуть операцию, достойную блокбастера, проследите за тем, как следователи шли по их следу, который преступники усыпали собственными ДНК, отпечатками пальцев и даже ключами от угнанного грузовика. Эта история основана на материалах, опубликованных в открытом доступе. Автор собрал разрозненные новости, официальные заявления и утечки в единую хронологию, выстроив логичное повествование.

© Сосновская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпилог	5
Похищенные ценности	7
Корона императрицы: обнаружение реликвии	12
Под следствием: грузовик с люлькой	16
Таинственная личность владельца грузовика	18
Генетический код: работа с вещдоками в грузовике	19
Небронированные окна	20
Инсайдер в Лувре	22
Цифровые следы	23
Средства связи	24
Камера на фасаде	25
Давид Декло	26
Пароль «Louvre»	28
Визиты грабителей в Лувр	30
Компания Securitas	31
Разведывательно-аналитическая компания CGI Group	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

М. Сосновская

История ограбления Лувра

Эпилог

Осеннее парижское утро 19 октября 2025 года выдалось на удивление ясным. Солнце золотило воды Сены, а к главному входу в Лувр, к стеклянной пирамиде, уже в 9:00 потянулись первые посетители. Они еще рассматривали афиши и покупали билеты, когда в ста сорока метрах от них, на набережной Франсуа Миттерана, за кулисами этого воскресного спектакля начали свой отсчет восемь минут, которые потрясли музейный мир.

Задолго до рассвета, 10 октября, на севере Парижа уже был сделан первый ход. В коммуне Лувр злоумышленники встретились с владельцем спецтехники. Под угрозами, но без физического насилия, они завладели его грузовиком с механической люлькой. Эта машина, неприметный и привычный для улиц рабочий инструмент, стала троянским конем.

В 9:30 утра грузовик вкатился на тротуар у юго-восточного угла дворца. Двое мужчин, облаченные в светоотражающие жилеты, ловко имитировали бригаду дорожных рабочих: они выставили вокруг машины сигнальные конусы, полностью сливаясь с пейзажем большого города. Пока на набережной неспешно прохаживались туристы, стрела автоподъемника бесшумно потянулась вверх, к балкону Галереи Аполлона. В 9:34 дисковые пилы и болгарки вгрызлись в стекло и деревянные рамы двойного окна. Защита не выдержала и нескольких секунд – позже выяснится, что эти окна не были бронированы.

В комнате охраны раздался сигнал тревоги. Почти одновременно с этим один из сотрудников, находившийся в галерее, успел бросить в рацию короткое, сбивчивое сообщение о вторжении. Двое в масках уже были внутри. Времени на раздумья у них не было: всего 237 секунд. В руках грабителей были не только пилы, но и, по сути, судьба исторической памяти Франции. В зале находились пятеро невооруженных охранников. Увидев направленные на них работающие электроинструменты, они не стали рисковать жизнями – началась эвакуация посетителей. Преступники даже не взглянули на живописный плафон и золоченую лепнину; их интересовали лишь два металлических шкафа в центре зала.

9:35. Витрины пали под натиском циркулярных пил. Стекло разлетелось вдребезги. Руки в перчатках заметались над бархатными подставками. В мешок отправились изумрудное ожерелье, подаренное Наполеоном Бонапартом юной Марии-Луизе в 1810 году, и пара серег из того же гарнитура. Рядом с ними исчезла диадема с двумя тысячами бриллиантов, брошь-реликварий и декоративный бант императрицы Евгении, жены Наполеона III. Не удержались пальцы грабителей и от сапфирового гарнитура королевы Марии-Амалии: диадема, тяжелое ожерелье и одна серьга перекочевали в сумку. Вторую серьгу, видимо, в спешке просто не заметили.

9:36. Руководитель оперативного центра музея нажал «красную кнопку», соединившую его напрямую с парижской полицией. Сирены уже завывали где-то в лабиринте городских улиц, но время играло против закона.

9:37. По внутренней связи разнеслась команда: немедленно заблокировать все двери музея. Приказ опоздал на минуту.

9:38. Двое мужчин выпрыгнули обратно в люльку автовышки. На бегу один из них выронил корону Евгении, усыпанную тысячей трехсот пятьюдесятью четырьмя бриллиантами и изумрудами. Позже ее найдут на асфальте, погнутую, с осыпавшимися камнями, – словно вещественное доказательство истеричной спешки. Внизу их уже ждали двое сообщников на мощных скутерах Yamaha TMAX. Бросив у подножия автовышки болгарки, газовые горелки, канистры с бензином и рабочие жилеты, банда рванула на восток. Один из воров попытался поджечь автомобиль-подъемник, чтобы замести следы, но его спугнул подоспевший сотрудник музея. Беглецы растворились в узких улочках, взяв курс на юг, к трассе А6.

В 9:39 в Галерее Аполлона воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь треском разбитого стекла под ногами полицейских криминалистов. Все закончилось. Позже анализ камер наблюдения покажет, что непосредственно внутри музея воры провели всего три минуты и пятьдесят семь секунд. Шедевры ювелирного искусства общей стоимостью более ста миллионов долларов исчезли в неизвестном направлении.

Спустя почти час, в 10:34, министр культуры Франции Рашида Дати выйдет в социальные сети с сообщением, которое заставит содрогнуться арт-сообщество: «Сегодня утром во время открытия Лувра произошло ограбление».

Парадокс этого преступления вскроется позже в кабинетах следователей. Поначалу министр внутренних дел Лоран Нуньес назвал банду «опытной командой». Однако парижский прокурор Лор Бекко остудила этот пыл, заявив, что задержанные – отнюдь не элита преступного мира, а «мелкие правонарушители» из неблагополучного департамента Сена-Сен-Дени. Абдулай Н., известный как ХН1, оказался 39-летним бывшим водителем-экспедитором с судимостями за кражи. Айед Г. (ХН2) и вовсе был пойман в аэропорту Шарль-де-Голль при попытке улететь в Алжир. Вместе с ними по делу проходил бывший таксист и даже, по данным прессы, сотрудник спецназа. Их ДНК нашли в кабине автоподъемника, их лица зафиксировали камеры, но драгоценности канули в Лету.

Расследование выявило чудовищные прорехи в охране первого музея мира. Директор Лоранс де Кар вынуждена была признать перед сенаторами: единственная камера, наблюдающая за внешней стеной, была направлена в другую сторону, а системы наблюдения по периметру устарели настолько, что не смогли распознать угрозу вовремя. Коллекция Наполеона и Марии-Амалии, пережившая революции и войны, пала жертвой не гениального злодея, а дерзости четырех человек и преступной халатности системы. Драгоценности, которые могли видеть королеву Викторию и двор Версаля, теперь, по мнению экспертов, разобраны на атомы: бриллианты перешли в разряд «сирот», а золото отправилось в переплавку. Им суждено исчезнуть бесследно, растворившись в частных коллекциях, как напоминание о том, что история иногда длится всего четыре минуты.

Похищенные ценности

Прежде чем продолжить историю ограбления, мы расскажем о драгоценностях, которые похитили: что о них известно, и какова их судьба. Ведь именно эти предметы – главные герои трагедии. Не люди, похитившие их, и не следователи, идущие по следу, а сами сокровища – безмолвные свидетели двух империй, двух революций и одного утра, перевернувшего историю французской короны.

Установлено, что в утренние часы 19 октября 2025 года из Галереи Аполлона исчезли восемь предметов, принадлежавших к высшей аристократии Франции – императорскому дому Бонапартов и королевскому дому Орлеанов.

Центральным звеном похищенного стало изумрудное ожерелье, усыпанное более чем тысячей бриллиантов – подарок Наполеона Бонапарта своей второй супруге, императрице Марии-Луизе. Оно являлось материализовавшейся волей императора, свадебным контрактом, написанным изумрудами и бриллиантами. Наполеон Бонапарт, разведясь с Жозефиной, которую он действительно любил, искал не женщину, а наследника. Ему нужна была кровь Габсбургов, и после отказа русского двора он получил согласие Австрии.

Восемнадцатилетняя Мария-Луиза, племянница казненной Марии-Антуанетты, испытывала ужас и ненависть к «корсиканскому людоеду», но династический долг не оставлял выбора.

В марте 1810 года ювелир Франсуа-Реньо Нито, основатель дома, который впоследствии станет называться Chaumet, получил императорский заказ. Ему предстояло создать комплект – парюру, достойную новой цезарианской династии. ожерелье стало центральным элементом этого заказа. Оно составлено из тридцати двух изумрудов, общим весом сто тридцать восемь карат. Геометрия подвески строга и продумана: крупные камни овальной и ромбовидной формы чередуются, и к каждому из них крепится грушевидный изумрудный «каплевидный» фестон.

Венчает композицию центральный изумруд восьмигранной огранки весом 13,75 карата – камень безупречной чистоты и глубины. Но главное богатство – это не только изумруды. Тысяча сто тридцать восемь бриллиантов обрамляют каждый камень, создавая эффект ледяного, искрящегося света вокруг густой зелени. Восемьсот семьдесят четыре из них имеют классическую бриллиантовую огранку, а двести шестьдесят четыре – старинную, так называемую «розой», которая мягче мерцает, напоминая о свечах в залах Тюильри. В пару к ожерелью Нито создал серьги с двумя крупными грушевидными изумрудами общим весом более сорока пяти карат, также обрамленными бриллиантами.

Мария-Луиза покидала Париж в марте 1814 года стремительно, почти бегством. В карету, увозившую ее и сына в Вену, она сложила все свои личные драгоценности. Изумрудная парюра, будучи ее личной собственностью, а не достоянием короны, уехала вместе с ней. После смерти императрицы ожерелье почти полтора века оставалось в сокровищнице Габсбургов, пока в 1953 году не было продано ювелирному дому Van Cleef & Arpels.

Диадему из того же комплекта постигла печальная судьба: ее изумруды извлекли и распродали по отдельности, заменив их бирюзой, и теперь она хранится в Смитсоновском инсти-

туте в Вашингтоне. Гребень для волос и вовсе исчез бесследно. Ожерелье и серьги уцелели. Они остались нетронутыми, сохранив подлинность наполеоновского ампира. В 2004 году Лувр собрал по частным пожертвованиям 3,7 миллиона долларов и вернул эти сокровища во Францию. Деньги выделили Общество друзей Лувра и Фонд наследия – граждане и меценаты заплатили за то, чтобы история вернулась домой.

Вместе с ожерельем из той же коллекции исчезла одна серьга. Эта асимметрия кражи – парная серьга осталась нетронутой в разбитой витрине – позднее станет доказательством лихорадочной спешки грабителей.

Следующий удар пришелся по наследию Второй империи. У императрицы Евгении, супруги Наполеона III, похитили сразу три предмета: диадему, усеянную почти двумя тысячами бриллиантов, брошь-реликварий и корсажный бант. Четвертый предмет из этого гарнитура – знаменитую корону императрицы Евгении, инкрустированную изумрудами и бриллиантами, – воры вынесли, но в панике бегства выронили на асфальт у подножия автовышки. Ее обнаружат погнутой, с осыпавшимися камнями; это единственное, что удастся вернуть в музей.

Давайте, остановимся на диадеме императрицы Евгении. Она была не просто украшением, а манифестом эпохи Второй империи. Созданная в 1853 году ювелиром Александром-Габриэлем Лемонье в подарок от Наполеона III невесте, испанской аристократке Евгении Монтихо, она воплощала романтический историзм, царивший в парижской ювелирной моде середины XIX века.

Ее конструкция была изящна и воздушна вопреки обилию камней. Основа из позолоченного серебра несла семь гибких стержней-вершин. Каждый стержень венчала композиция из трех крупных жемчужин. Между стержнями размещались восемь щитообразных картушей, увенчанных грушевидной жемчужной подвеской и бриллиантовым листком. Сами картуши были расшиты бриллиантовыми листьями, окаймлены жемчужной нитью и содержали в центре еще три жемчужины. Венчал всю конструкцию ободок из череды круглого жемчуга и бриллиантовой листвы.

Камни, употребленные Лемонье, происходили из государственной сокровищницы Франции – бриллианты, ранее принадлежавшие Людовику XVIII и Карлу X, и природный жемчуг королевских гарнитуров. Точный подсчет даров природы и ограненного человеческими руками блеска дает цифры, от которых захватывает дух: 212 жемчужин, из которых 17 имели редкую грушевидную форму, 1998 бриллиантов и еще 992 мелких алмаза старинной огранки «роза». Диадема была вершиной вкуса и, по свидетельству современников, сама императрица предпочитала ее официальной короне – менее формальная, более стильная и удобная, она словно дышала вместе с хозяйкой на балах Тюильри.

После падения империи в 1870 году Евгения бежала в Англию, диадема же осталась во Франции и в 1887 году была выставлена Третьей республикой на печально известную «Распродажу бриллиантов Короны». Ее приобрел ювелир Юлиус Якоби, а в 1890 году Альберт, 8-й принц фон Турн-и-Таксис, купил диадему в качестве свадебного дара эрцгерцогине Маргарите Клементине Австрийской. Она носила украшение всю жизнь, завещав его дому Турн-и-Таксис.

В 1980 году на свадьбе с наследным принцем Йоханнесом диадему вновь явили миру. Девятнадцатилетняя невеста Глория фон Шенбург-Глаухау, которую пресса окрестит «панк-принцессой», вышла в ней под венец. Однако спустя десять лет, овдовев и обнаружив долги

мужа в полмиллиарда долларов, Глория начала распродажу фамильных сокровищ. В 1992 году диадема вновь оказалась на аукционе – и была выкуплена Францией для Лувра.

А теперь перейдем к следующему похищенному артефакту – броши. Ее история неоднозначна. Интрига, развернувшаяся вокруг броши императрицы Евгении, похищенной из Лувра, – отдельная и красноречивая деталь этого преступления. Сразу после ограбления в официальных сообщениях Министерства культуры Франции и в прессе фигурировали два разных названия: «брошь-реликварий» и «большая подвязка с лифа». Долгое время они воспринимались как два разных похищенных предмета, и лишь позднее сложилось понимание, что речь, вероятно, идет об одной и той же вещи, по-разному идентифицированной либо о двух разных брошах из гарнитура Евгении, украденных одновременно.

Первый предмет, который называют брошью-реликварием, датируется 1855 годом. Ирония истории в том, что реликварием она называется лишь условно: Лувр специально подчеркивает, что в этом украшении, обильно инкрустированном бриллиантами, никогда не предусматривалось полости для хранения святых мощей. Это чисто светская, парадная вещь, созданная в зените Второй империи. Ее точный облик и авторство в доступных источниках подробно не раскрываются, однако известно, что она принадлежала к личной коллекции императрицы и была вынесена грабителями из той же витрины, что и тиара с диадемой.

Второй предмет, который упоминается в полицейских сводках как «подвязка» или «декоративный бант», изучен гораздо лучше. Это самостоятельный шедевр, и его судьба прослеживается с документальной точностью. Речь об огромной броши-банте шириной одиннадцать сантиметров, целиком сотканной из бриллиантов. Ее создал не придворный ювелир императорского двора, а парижский мастер Франсуа Крамер в середине XIX века. Изначально брошь не была самостоятельным украшением: она служила центральной пряжкой роскошного пояса императрицы, усыпанного более чем четырьмя тысячами драгоценных камней.

История этого банта – отдельный роман о моде, власти и исчезнувших состояниях. Пояс был создан специально для Всемирной выставки 1855 года, а затем сверкал на балу в Версале, который давали в честь королевы Виктории. Императрица Евгения, известная своим безупречным вкусом и любовью к трансформациям, в 1864 году распорядилась разобрать пояс. Бант отделили и превратили в самостоятельную брошь, сохранив ее грандиозное бриллиантовое великолепие.

Подсчет камней в этом украшении вызывает головокружение. Результаты расходятся, но сходятся в одном: цифры колоссальны. По одним данным, брошь несет 2438 белых бриллиантов и 196 бриллиантов огранки «роза». По другим, более поздним и детализированным в прессе, количество бриллиантов достигает 2634. Разночтения могут объясняться разными методиками подсчета мелких роз, креплений или включением в общее число камней, обрамляющих подвижные каскады-кисточки, которые грациозно свисают с основного банта.

После падения Империи брошь разделила судьбу других коронных драгоценностей. В 1887 году Третья республика выставила ее на аукцион, где она была продана за 85 тысяч франков. Ее владельцами последовательно становились ювелир Эмиль Шлезингер, американская миллионерша Кэролайн Астор, а затем герцог Вестминстерский, который преподнес украшение в качестве свадебного дара. Десятилетиями брошь оставалась в частных руках, скрытая от глаз публики.

В 2008 году Франция совершила акт национального возвращения. Лувр выкупил бриллиантовый бант за 6,72 миллиона евро. Другой источник называет цифру более десяти миллионов и датирует покупку 2015 годом, что может отражать общую сумму затрат на реституцию нескольких предметов одновременно. Так или иначе, брошь вернулась в Галерею Аполлона, став символом не только имперской роскоши, но и способности государства выкупать собственную историю.

Третьей жертвой стала эпоха Июльской монархии. Из собрания королевы Марии-Амалии, жены Луи-Филиппа I, исчезли комплект из сапфировой диадемы, тяжелого ожерелья и пары серег. Некоторые источники уточняют, что этот гарнитур числился в коллекции одновременно как принадлежавший и Марии-Амалии, и королеве Гортензии – матери Наполеона III, что создает определенную путаницу в атрибуции. В любом случае, речь идет о тех же самых предметах: бриллиантово-сапфировом уборе первой половины XIX века.

Сапфировый гарнитур, похищенный из Галереи Аполлона, стоит в этом списке особняком. Если изумруды Марии-Луизы – это чистая наполеоновская легитимность, а бриллианты Евгении – блеск Второй империи, то сапфиры – это мост между двумя династиями, враждовавшими и породнившимися. Это история о том, как дочь врага стала королевой Франции, и о камнях, которые, возможно, помнят казненную королеву.

Гарнитур состоит из трех предметов: диадемы, тяжелого ожерелья и пары серег. В момент ограбления воры забрали все три, однако из серег похищена была только одна – парная серьга осталась в разбитой витрине, повторив судьбу короны Евгении, которую обронили на асфальт. Спешка, стоившая истории двух экспонатов.

Диадема – предмет тонкой и изящной работы. Ее высота составляет всего 6,2 сантиметра, ширина – 10,7 сантиметра. Она не стремится подавлять величием, как императорские короны; это украшение для бала, для прически, для живой женщины. Изготовлена из цейлонских сапфиров и бриллиантов – камней глубокого синего цвета, добытых на острове, который тогда назывался Цейлоном.

Тяжелое ожерелье и серьги дополняют ансамбль. Здесь скрывается главная интрига этого гарнитура. По семейному преданию Орлеанского дома, некоторые части этого ювелирного ансамбля – предположительно, сами крупные сапфиры – когда-то принадлежали королеве Марии-Антуанетте. Той самой, чья голова пала под ножом гильотины. Нет документальных подтверждений этому – скорее, легенда, которую бережно передавали из поколения в поколение. Но легенда эта превращает украденные камни в реликвии, пережившие Революцию.

История принадлежности гарнитура запутана и тем самым особенно прекрасна. Первой владелицей называют королеву Гортензию де Богарне – падчерицу Наполеона, дочь императрицы Жозефины от первого брака, мать будущего императора Наполеона III. Гортензия носила титул королевы Голландии, была женщиной утонченной и несчастной в личной жизни, покровительствовала искусству.

Позже гарнитур перешел к Марии-Амалии Неаполитанской, супруге короля Луи-Филиппа I, который взошел на трон после Июльской революции 1830 года. Здесь и происходит династическое примирение: Луи-Филипп, представитель Орлеанской ветви Бурбонов, приобрел сапфиры у Гортензии де Богарне, представительницы дома Бонапартов. Вчерашние враги, чьи семьи оспаривали трон, обменялись драгоценностями. Мария-Амалия стала последней

королевой Франции – после революции 1848 года монархия пала окончательно, и на престол вернулся уже племянник Гортензии, Наполеон III.

После изгнания Орлеанский дом хранил сапфиры как семейную святыню более ста лет. В 1985 году государство Франция выкупило гарнитур у потомков королевской семьи, и диадема, ожерелье и серьги заняли свое место в Галерее Аполлона.

Сапфиры, помнившие, возможно, Марию-Антуанетту, принадлежавшие падчерице Наполеона и украшавшие последнюю королеву Франции, исчезли в тот самый день. Одна серьга осталась лежать на бархате разбитой витрины – как оторванная половина целого, как знак того, что история, длившаяся два столетия, оборвалась внезапно и грубо. Где сейчас находятся цейлонские сапфиры и бриллианты – неизвестно, следствие продолжает их поиски.

Важно отметить расхождение в цифрах, которое неизбежно возникает при реконструкции события по горячим следам. Первые сообщения министерства культуры Франции говорили о девяти похищенных предметах. Позже прокуратура Парижа уточнила: преступники целились в девять единиц хранения, но физически завладеть смогли восемью. Девятым, несостоявшимся трофеем, очевидно, и стала корона императрицы Евгении, разбитая и брошенная при отступлении.

Совокупный ущерб – восемь бесценных исторических реликвий. Общая страховая оценка, произведенная сотрудниками Лувра, достигла 88 миллионов евро, что эквивалентно 102 миллионам долларов США. Ни один из этих предметов, за исключением разбитой диадемы, не найден до сих пор. Эксперты опасаются, что диадемы разобраны на фрагменты, бриллианты переогранены, а золото и серебро отправлены в переплавку – историческое наследие принесено в жертву сиюминутной наживе.

Корона императрицы: обнаружение реликвии

История короны императрицы Евгении – это повествование о том, как произведение ювелирного искусства пережило падение империи, изгнание, распродажу века и, спустя почти полтора столетия, вернулось во Францию, чтобы вновь едва не исчезнуть в руках грабителей.

Корона была создана не для коронации. Ни Наполеон III, ни его супруга Евгения де Монтыхо никогда не проходили через обряд помазания в Реймсе. Заказ, отданный в 1855 году придворному ювелиру Александру-Габриэлю Лемонье, имел иную цель. Император готовил грандиозное действо – Всемирную выставку в Париже, призванную явить миру мощь и блеск Второй империи. Для этого требовались новые регалии, способные соперничать с сокровищами старой монархии.

Лемонье работал не в одиночестве. Скульптор Франсуа Жильбер создавал модели орлов, ювелир Пьер Маэ руководил работами в мастерской, а инспектор алмазов короны Адольф Девен лично отбирал камни. Корона императора не сохранится – в 1887 году её разберут и переплавят. Корона императрицы уцелеет, хотя и обойдется казне дороже супружеской: сто тридцать четыре тысячи франков против ста двух тысяч.

Венец составлен из золота. Восемь дуг выполнены в форме расправляющих крылья орлов – символ Империи, восходящий к Наполеону I. Головы орлов повернуты влево. Между ними чередуются восемь пальметт в стиле ампир, инкрустированных бриллиантами и изумрудами. Под пальметтами, над самым венцом, закреплены маленькие руки, держащие мелкие изумруды. Дуги сходятся под глобусом, покрытым бриллиантами, с полосой золотых изумрудов вдоль экватора и верхней полусферы. Венчает глобус крест из шести бриллиантов.

Современники находили корону императрицы более легкой и изящной, чем императорская, при сохранении торжественного характера. Она никогда не водружалась на голову во время церемонии и, возможно, ни разу не была надета, лишь экспонировалась на официальных мероприятиях. Для Евгении, известной страстью к ювелирным украшениям и тратившей на них колоссальные суммы, корона оставалась скорее символом статуса, чем повседневным аксессуаром.

Сентябрь 1870 года. После разгрома при Седане и пленения императора прусскими войсками в Париже вспыхнула революция. Императрица, исполнявшая обязанности регентши, бежала из дворца Тюильри. Путь ее лежал через Лувр, через Галерею Аполлона. Она взяла принадлежавшие ей драгоценности, но корону оставила на месте.

Этот жест, продиктованный спешкой или расчетом, спасет корону. Позже, в лондонском изгнании, Евгения через суды докажет Третьей республике, что сокровище было оплачено из личных средств императора по гражданскому листу, а не из государственной казны. В 1875 году Франция вернет ей корону. Императорская корона Наполеона III, напротив, останется в собственности государства и в 1887 году пойдет в переплавку вместе с сотнями других исторических драгоценностей, распроданных с аукциона.

Евгения проживет долгую жизнь, умрет в 1920 году в Мадриде в возрасте 94 лет и будет погребена в аббатстве Фарнборо рядом с мужем и сыном. За четыре года до смерти она пере-

даст корону своей восьмилетней крестнице, принцессе Марии-Клотильде Бонапарт. Девочка, бежавшая с семьей из оккупированной немцами Бельгии, провела с императрицей четыре года и запомнила эти дни навсегда.

Мария-Клотильда станет пожизненной хранительницей реликвии. В 1970-е годы, когда большая часть наследия Бонапартов перейдет французскому государству, она оставит корону у себя. В 1982 году она поместит венец в парижский сейф, будет доставать только по особым случаям и ставить перед собой на каминную полку. Переговоры о продаже с Министерством культуры затянутся – у Франции не окажется средств на выкуп.

Корона уйдет американскому коллекционеру. И в 1988 году, благодаря щедрости покупателя и усилиям Общества друзей Лувра, она все же вернется во Францию, войдет в собрание музея и займет место в Галерее Аполлона, той самой, через которую семьдесят лет назад бежала ее прежняя хозяйка.

После ограбления 2025 года все пятьдесят шесть изумрудов остались на месте. Из тысячи трехсот пятидесяти четырех бриллиантов пропало лишь около десяти самых мелких камней по нижнему ободу, и девять из них вскоре были обнаружены и сохранены. Шар, венчающий корону, уцелел и сохранил соединение с каркасом.

Анализ повреждений, проведенный экспертами Лувра во главе с руководителем департамента предметов искусства Оливье Габе и его заместительницей Анн Дион, позволил восстановить механизм травмы короны. Грабители пытались извлечь её через узкую прорезь, которую они пропилили дисковой пилой в стеклянной витрине. Легкая и гибкая металлическая оправа не выдержала насилия – конструкция погнулась, одна из дуг отломилась и осталась внутри музея. Сразу после этого, уже снаружи, последовал сильный удар, предположительно при падении. Результат был описан Оливье Габе словом, которое обошло мировые агентства: корона выглядела «расплющенной».

Место обнаружения реликвии в оперативных сводках и газетных репортажах первого дня обозначено неконкретно, но единодушно: «недалеко от музея», «возле музея», «на парижской мостовой неподалеку от Лувра», «у галереи Аполлона». Кто именно нашел корону – патрульный полицейский, сотрудник службы безопасности или криминалист, прибывший на место, – ни в одном из опубликованных источников не уточняется. Пресса ссылается на газету *Parisien* как на первоисточник, но имя конкретного человека, поднявшего драгоценность с асфальта, осталось за кадром официальных коммюнике.

Корона оставалась лежать на земле нетронутой до прибытия спецслужб. Это один из самых удивительных эпизодов этого дела. Но стоит уточнить: речь идет исключительно о том, что она не была подобрана прохожими или случайными свидетелями. Корону никто не пытался забрать.

И вот – объяснение. Ограбление произошло ранним утром воскресенья. Зона у юго-восточного угла дворца, выходящая на набережную, была быстро оцеплена. Первые сообщения об ограблении поступили в полицию в 9:36, и уже через минуты территория вокруг Галереи Аполлона стала местом преступления, куда посторонним доступа не было. Корона пролежала на мостовой считанные минуты и была обнаружена в ходе первоначального осмотра, еще до того, как туда могли подойти зеваки. Ее сохранность – не результат гражданской доблести

парижан, а следствие скорости полицейского реагирования и того факта, что вещь была брошена в пустом, оцепленном пространстве.

Совершенно иначе обстоит дело с физической сохранностью короны. Она получила тяжелейшие механические повреждения. Детальная инвентаризация, проведенная в мастерских Лувра, дала исчерпывающую картину утрат. Из восьми золотых орлов, венчающих зубцы, пропал один – он либо отломился и закатился в щель, либо был утерян безвозвратно. Четыре из восьми пальметт – декоративных арабесок из бриллиантов и изумрудов – отделились от основы и были деформированы. Сам каркас погнулся, утратив геометрию.

Однако главное чудо состояло в сохранности камней. Из 1354 бриллиантов, украшающих корону, на месте после падения и деформации осталось 1344. Утрачено было лишь около десяти самых мелких камней по нижнему ободу. Девять из них были обнаружены и сохранены. Все 56 изумрудов, включая центральный шар, венчающий корону, остались целы и невредимы. Это позволило дирекции Лувра с оптимизмом смотреть в будущее: реставрация не потребует сложной реконструкции, а сведется к восстановлению формы, возвращению на место отвалившихся элементов и вправлению одного утраченного орла.

Уже на следующий день после кражи корона была передана специалистам департамента предметов искусства. В начале февраля 2026 года, спустя три с половиной месяца после ограбления, Лувр обнародовал официальный протокол реставрации короны императрицы Евгении. Решение музея стало беспрецедентным не только по срокам – обычно подобные процедуры длятся годами, – но и по составу участников. Вместо того чтобы доверить восстановление национальной реликвии единственному подрядчику, дирекция объявила открытый конкурс среди аккредитованных реставраторов, а для надзора за процессом созвала консультативный комитет из пяти старейших ювелирных домов Франции.

Имена членов комитета были оглашены в торжественной обстановке. В него вошли Boucheron, Cartier, Chaumet, Mellerio и Van Cleef & Arpels. Каждый из этих домов несет в своей истории неразрывную связь с французской короной. Chaumet, основанный в 1780 году, создавал диадемы для Жозефины Богарне и тиару для самой Евгении. Mellerio, старейший ювелирный дом Европы, работавший при дворе с 1613 года, поставлял украшения Марии-Антуанетте. Cartier украшал уже не императриц, а великих княгинь и голливудских див, но именно этот дом в 1936 году выкупил у Глории фон Турн-и-Таксис ту самую диадему, которую теперь предстояло восстановить. Boucheron и Van Cleef & Arpels представляли школу парижского ювелирного искусства XX века. Собрались не конкуренты, а хранители традиции.

Формально задача комитета носила консультативный характер. Реальная власть оставалась у департамента предметов искусства Лувра и у приглашенного реставратора, которого предстояло выбрать через конкурс. Однако символическое значение этого жеста было огромно. Пять великих домов собирались не для того, чтобы делить заказ, а для того, чтобы вернуть утраченную геометрию короны, не исказив ее исторического облика. Каждый из них обладал архивами, чертежами, образцами креплений XIX века. Каждый мог подтвердить или опровергнуть аутентичность той или иной детали.

Конкурсная процедура, объявленная Лувром, предполагала жесткие квалификационные требования. К участию допускались только реставраторы, аккредитованные при Министерстве культуры Франции и имеющие подтвержденный опыт работы с историческими ювелирными изделиями первой половины XIX века. Срок подачи заявок истек в марте 2026 года, сама

реставрация планировалась на второе полугодие. Финансовые параметры контракта музей не разглашал, но эксперты оценивали стоимость работ в несколько десятков тысяч евро – ничтожная сумма по сравнению с ценой самой короны и стоимостью ее страхования.

Предстоящая реставрация обещала быть деликатной. Корона императрицы Евгении, созданная в 1855 году Габриэлем Лемонье, состояла из восьми зубцов, увенчанных золотыми орлами. Один из этих орлов был утрачен безвозвратно. Четыре пальметты – изящные арабески из бриллиантов и изумрудов – оторвались от основы и деформировались при ударе об асфальт. Сам каркас из позолоченного серебра погнулся так сильно, что геометрия венца нарушилась. Однако главное богатство короны – пятьдесят шесть изумрудов и тысяча триста пятьдесят четыре бриллианта – уцелело почти полностью. Из потерянных десяти мелких камней девять были обнаружены криминалистами на месте преступления и возвращены в музейные хранилища.

Парадокс заключался в том, что повреждения, нанесенные короне, одновременно делали ее уникальным экспонатом. До 19 октября 2025 года это была безупречная реликвия, пережившая два века, две империи, изгнание и возвращение. Теперь на ней появились шрамы – свидетельство того, что история не остановилась в 1870 году. Директор Лувра Лоранс де Кар, комментируя планы реставрации, подчеркивала: задача мастеров – не заставить забыть о случившемся, а восстановить целостность предмета, сохранив при этом документальную память о его травме. С этой целью музей планировал провести полную трехмерную оцифровку поврежденной короны до начала каких-либо работ.

Реакция профессионального сообщества на создание «большой пятерки» была неоднозначной. Одни приветствовали возвращение к цеховой традиции, когда судьбу национальных сокровищ решают не чиновники, а мастера. Другие усматривали в этом избыточную помпезность: реставрация одного предмета, пусть и исключительной важности, не требовала созыва столь представительного форума. Критики напоминали, что в комитет не вошли представители независимых реставрационных мастерских, не аффилированных с большими домами. Однако руководство Лувра стояло на своем: только такой состав способен гарантировать безупречное воссоздание исторического облика.

К середине февраля 2026 года конкурсная документация была разослана аккредитованным специалистам, и комитет пяти ювелирных домов провел первое организационное заседание. Корона императрицы Евгении, сплюснутая, лишившаяся одного орла, но сохранившая почти все свои камни, ждала возвращения к жизни в запасниках Лувра. Ее реставрация должна была стать не просто технической операцией, а актом национального примирения с собственным прошлым, которое, как выяснилось, может быть похищено, разбито, брошено на мостовой – и все же не утрачено окончательно.

Под следствием: грузовик с люлькой

История грузовика с автовышкой, ставшего троянским конем Лувра, началась не 19 октября 2025 года у стен музея, а за девять дней до этого в коммуне Лувр департамента Валь-д'Уаз, что к северу от Парижа. Ирония топонима – совпадение названия городка с именем главного музея Франции – немедленно была отмечена следствием как символическая деталь, хотя не имела к преступлению никакого отношения.

Владелец техники, частное лицо, разместил стандартное объявление о продаже автогидроподъемника на популярном французском сайте бесплатных объявлений Leboncoin. Эта интернет-площадка, где миллионы французов ежедневно продают подержанные автомобили, мебель и бытовую технику, стала для злоумышленников идеальным охотничьим угодьем. Они нашли объявление, изучили фотографии, технические характеристики, а главное – точное местонахождение машины.

Встреча была назначена на 10 октября. Преступники явились к продавцу под видом потенциальных покупателей, заинтересованных в приобретении техники. Их внешность, имена, количество – ни одна из этих деталей не сохранилась в открытых источниках; следствие удерживает эти сведения в тайне. Известно лишь, что диалог быстро перестал быть коммерческим. Вместо торга последовали угрозы. Ни одно издание не уточняет характер этих угроз – были ли демонстрированы оружие, предметы, имитирующие оружие, или давление оказывалось исключительно вербально. Формулировка, кочующая из газеты в газету, остается неизменной: «применив угрозы, угнали машину без оплаты».

Вопрос о том, почему владелец не обратился в полицию немедленно, повисает в воздухе. Результаты поиска не содержат ни единого упоминания о заявлении потерпевшего. Ни о его звонке в жандармерию 10 октября, ни о начале розыска угнанной техники за девять дней до ограбления. Создается впечатление, что хозяин автовышки либо был настолько запуган, что предпочел молчать, либо не видел смысла в обращении к властям, либо – что также нельзя исключать – его заявление было принято, но не привело к оперативному обнаружению машины. Следствие хранит молчание по этому эпизоду, и вопрос о бездействии полиции в период между угоном и ограблением остается открытым.

Сам грузовик не был предметом сложного технического розыска. Следователи не вычисляли его по камерам наблюдения, не отслеживали маршрут передвижения от Валь-д'Уаза до Парижа. Машина обнаружила себя сама – она была брошена прямо у места преступления, под окном Галереи Аполлона, на набережной Франсуа Миттерана. Преступники даже не пытались скрыть факт ее использования или уничтожить улики в полном объеме. Они лишь попытались поджечь автомобиль, но подоспевший сотрудник музея спугнул их.

Когда криминалисты приступили к осмотру автовышки, она оказалась буквально напихована доказательствами. В корзине подъемника были обнаружены мотоциклетный шлем, второй шлем, перчатка и – верх небрежности или следствие паники – ключи от самой автовышки. Эти предметы, оставленные грабителями, стали для следствия подарком судьбы. Ключи зажигания, до которых дотрагивались руки преступников, шлемы, соприкасавшиеся с их волосами и кожей, – все это отправилось на молекулярно-генетическую экспертизу. Именно отпечатки

пальцев и образцы ДНК, снятые с этих предметов, позволят следствию выйти на первых подозреваемых спустя шесть дней.

Помимо этого, в кабине и кузове нашли целый арсенал забытых инструментов: две дисковые пилы-болгарки, газовую горелку, канистру с бензином, несколько пар рабочих перчаток, рацию, плед и тот самый желтый сигнальный жилет, в котором один из грабителей изображал дорожного рабочего. Весь этот набор, брошенный на месте преступления, рисовал картину не просто спешного, но почти панического бегства. Преступники, планировавшие ограбление девять дней, потратившие время на поиск продавца, встречу, угрозы и угон, в финале оставили под окнами Лувра не только орудие преступления, но и собственные личные вещи, и ключи, и следы своей биологической идентичности.

Министр внутренних дел Франции Лоран Нуньес, комментируя ход расследования, сообщил, что в деле задействовано более шестидесяти следователей, а в распоряжении правоохранителей имеется значительный массив видеоматериалов. Он выразил уверенность в поимке преступников, и эта уверенность имела под собой вполне материальную основу: ключи от автовышки, оставленные в корзине, делали задержание лишь вопросом времени.

Грузовик, найденный, осмотренный, ставший источником бесценных улик, был отбуксирован на полицейскую стоянку. Его хозяин, чье имя до сих пор не разглашается, вероятно, давал показания следователям. Но появился ли он сам в полиции 10 октября, или полиция сама нашла его 19-го по номеру машины, обнаруженной у Лувра, – эта деталь осталась за пределами газетных полос. Известно лишь, что ограбление века началось с угона века, и этот угон был совершен не взломщиками в масках посреди ночи, а вежливыми покупателями, пришедшими по объявлению.

Таинственная личность владельца грузовика

Официальные документы следствия, пресс-релизы парижской прокуратуры и развернутые репортажи французских средств массовой информации хранят полное молчание относительно личности владельца грузовика с автовышкой. Его имя, возраст, профессия, внешность, семейное положение – все эти сведения отсутствуют в открытых источниках. Следствие не публиковало никаких данных о потерпевшем, и ни одно информационное агентство не сумело получить комментарий от самого владельца техники.

Никто из официальных лиц – ни прокурор Парижа Лор Бекко, ни министр внутренних дел Лоран Нуньес, ни директор Лувра Лоранс де Кар – ни разу не упомянули владельца автовышки в своих публичных выступлениях. Ни один адвокат не выступал от его имени. Ни одно интервью с ним не было опубликовано. Французское правосудие, щедро делившееся с прессой подробностями биографий задержанных – Абдулай Н., 39 лет, бывший таксист, 15 судимостей, проживал в Обервилье; Аїед Г., 34 года, алжирец, задержан при посадке на рейс в Алжир; Слиман К., чья ДНК найдена в кабине грузовика, – не обнародовало ни единой крупицы информации о человеке, с которого, по сути, началось ограбление века.

Вопрос о том, подавал ли владелец заявление в полицию 10 октября, остается без ответа. В материалах следствия нет упоминаний о розыске угнанной машины в период между похищением и ограблением. Неизвестно, был ли мужчина настолько запуган, что предпочел молчание, либо его обращение в жандармерию не привело к результату, либо полиция и вовсе не была поставлена в известность. Французские стражи порядка не комментируют эту коллизию, и отсутствие официальной реакции порождает лишь глухие вопросы.

Известно, что грузовик был найден брошенным у подножия Галереи Аполлона утром 19 октября, и именно номерные знаки или документы, оставленные в кабине, вероятно, позволили идентифицировать хозяина. Но был ли он допрошен в качестве свидетеля, признан ли потерпевшим, заявлен ли гражданским истцом – ничего этого публика не знает. Человек, чья собственность стала орудием преступления, исчез из официальной хроники. Осталась только географическая привязка – департамент Валь-д'Уаз, северный пригород Парижа, и коммерческая платформа Leboncoin, где техника ждала своего покупателя.

Спустя месяцы расследования, когда четверо исполнителей были арестованы, а следствие объявило о возможной причастности заказчиков из-за рубежа, имя владельца автовышки так и не прозвучало ни в одном судебном документе. Прокурор Лор Бекко 29 октября 2025 года на пресс-конференции подробно описывала ход дела, перечисляла изъятые улики – шлемы, перчатки, ключи, брошенные в корзине подъемника, – но ни словом не обмолвилась о человеке, лишившемся имущества за девять дней до того, как эти ключи были найдены криминалистами.

Частная немецкая компания Böcker Maschinenwerke GmbH, производитель автовышки, чей управляющий директор Александр Беккер с юмором отреагировал на использование его продукции в преступлении, опубликовал заявление и фотографии грузовика. Владелец же техники не сказал ничего. Он остался безымянным статистом в драме, где главные роли достались грабителям, следователям и украденным сокровищам. Его грузовик стал знаменитым на весь мир – его изображения обошли газеты и телеканалы, – а сам он растворился в тумане парижского пригорода, так и не выйдя на свет.

Генетический код: работа с вещдоками в грузовике

Процесс восстановления генетического кода преступников разворачивался в криминалистических лабораториях Парижа в считанные дни. Каждый из брошенных предметов – шлем, перчатка, болгарки, рация, жилет – был тщательно обработан экспертами. С поверхностей снимали потожировые следы, соскобы эпителия, смывы. Волос, найденный в мотоциклетном шлеме, содержал луковицу – идеальный материал для выделения ДНК.

Параллельно с биологическим анализом дактилоскописты работали с отпечатками пальцев. Следы рук покрывали рукоятки болгарок, корпус рации, пластик шлема, возможно, дверцы грузовика. Отпечатки были четкими, не смазанными – грабители не удосужились надеть перчатки либо сняли их в спешке. Базы данных Национальной автоматизированной системы дактилоскопии Франции загрузили полученные изображения. Система выдала совпадения.

ДНК, выделенная из волоса и других следов, была сопоставлена с Национальным банком генетических данных. Совпадение произошло быстро: один из образцов принадлежал мужчине, ранее судимому за кражи, проживавшему в коммуне Обервилье, департамент Сен-Сен-Дени. Вечером 25 октября 2025 года, спустя шесть дней после ограбления, подозреваемый был задержан у себя дома. Его ДНК идеально совпала с ДНК, найденной на месте преступления.

Второй подозреваемый был арестован в тот же вечер в аэропорту Шарль-де-Голль при попытке вылететь в Алжир. Его личность также установили по следам ДНК, оставленным в Лувре, хотя в открытых источниках не уточняется, какой именно предмет дал его генетический профиль.

Профессор криминологии Никос Пассас, комментируя случившееся, назвал действия преступников «поразительно небрежными». Корреспондент ВВС в Париже Эндрю Хардинг, ссылаясь на данные следствия, резюмировал ситуацию с ледяным британским лаконизмом: те самые преступники, которые поначалу казались членами опытной и хорошо подготовленной группировки, на самом деле были довольно неуклюжими. Они оставили свои ДНК и отпечатки пальцев по всему месту преступления – в Лувре и даже на улицах вокруг.

Небронированные окна

Откуда грабители узнали, что окно Галереи Аполлона не бронировано, – один из ключевых вопросов в этом деле. И ответ на него следствие нашло довольно быстро, хотя официальные лица сначала пытались смягчить неловкость ситуации. Версия, которую сейчас отрабатывает полиция, сводится к двум основным линиям: преступники либо получили точную информацию изнутри музея, либо действовали на основе наблюдений и общей небрежности системы безопасности.

Первое и самое громкое объяснение – версия о «внутренней помощи», или инсайте. Уже спустя несколько дней после ограбления французские детективы заявили, что подозревают причастность к преступлению кого-то из сотрудников Лувра. Следователи обнаружили «цифровые улики», указывающие на то, что член службы безопасности музея поддерживал связь с предполагаемыми преступниками. Источник в следствии сообщил британской прессе: «Чувствительная информация о музейной безопасности была передана, и именно так они узнали об уязвимостях». Сюда входили не только данные о том, какие окна не армированы, но и сведения о слепых зонах камер наблюдения, расположении сигнализации и, возможно, даже о времени срабатывания тревоги.

В пользу версии об инсайте говорит и тот факт, что камера на фасаде здания, которая теоретически могла бы заснять проникновение, была направлена в противоположную сторону. Директор Лувра Лоранс де Кар на слушаниях в Сенате признала это с горечью, назвав «ужасным признанием» тот факт, что у музея «абсолютно устаревшая, а местами и отсутствующая техническая инфраструктура». Знание о том, в какую сторону смотрит единственная камера, – это информация, доступная либо очень внимательному наблюдателю, либо человеку, имеющему доступ к внутренним схемам музея.

Вторая линия, которая не исключает первую, но дополняет ее, связана с историей предупреждений, которые Лувр игнорировал годами. Выяснилось, что за несколько лет до ограбления музей приглашал бывшего грабителя Давида Декло для участия в подкасте о безопасности. Декло, профессиональный взломщик сейфов и банков, переквалифицировавшийся в стендап-комики, прогуливаясь по Галерее Аполлона, сразу указал на окна как на главную брешь. Его слова цитирует Associated Press: «Вы видели эти окна? Это пара пустяков. Можно представить что угодно – людей в маскировке, проникающих через окна». И далее: «Через окна – даже с крыш – есть масса способов проникнуть внутрь». Декло утверждает, что лично предупредил об этом высокопоставленного сотрудника музея, отвечавшего за производство подкаста, задолго до кражи. «Точно то, что я предсказал, – сказал он после ограбления. – Они пришли через окна... пришли, взяли и ушли».

Информация о хлипкости окон могла быть получена и без участия коррумпированного охранника. Преступники могли просто провести разведку на местности, изучить фасад, заметить отсутствие камер и, возможно, даже знать о том, что окна – исторические, а не бронированные, из открытых источников или отчетов по безопасности, которые, как выяснилось, не раз указывали на эту проблему.

Однако министр культуры Рашида Дати попыталась смягчить удар, заявив, что даже бронированное стекло не спасло бы, так как преступники использовали мощные дисковые пилы,

которые «действуют как взрывчатка». Это заявление, впрочем, выглядит слабым утешением: бронированное стекло, даже будучи прорезанным, требует гораздо больше времени, а воры работали на скорость, и каждая секунда была на счету.

Ирония ситуации усугубилась ещё одной деталью, вскрывшейся в ноябре 2025 года. Сотрудник музея сообщил прессе, что на момент ограбления пароль от системы видеонаблюдения Лувра был... «Louvre». Французское агентство кибербезопасности указывало на эту проблему ещё в аудите 2014 года, но за 11 лет ничего не изменилось. Если преступники знали и этот пароль – а это уже пахнет не просто халатностью, а системной катастрофой, – то вопрос о том, как они узнали про окна, отпадает сам собой: они знали всё.

Инсайдер в Лувре

Вопрос о личности предполагаемого инсайдера в Лувре – один из самых запутанных в этом деле. Информация, просочившаяся в прессу в первые дни после ограбления, и официальные заявления прокуратуры вступили в прямое противоречие, создав ситуацию, когда публика до сих пор не знает, был ли у грабителей сообщник в музее и кто он.

Начало этой истории положила британская газета The Telegraph. Вечером 25 октября 2025 года издание со ссылкой на источники, близкие к следствию, сообщило сенсационную новость: детективы обнаружили цифровые улики, указывающие на то, что один из охранников Лувра сотрудничал с грабителями. По данным источников, были найдены записи и сообщения, подтверждающие контакты сотрудника службы безопасности с предполагаемыми членами банды до нападения. Именно этот человек, как утверждалось, передал преступникам конфиденциальную информацию об уязвимостях музея – о том, какие окна не бронированы, куда направлены камеры и как сработает сигнализация. «Чувствительная информация была передана, и именно так они узнали о бреши», – цитировал The Telegraph свой источник. Эта версия мгновенно облетела мировые СМИ.

Однако ровно через четыре дня, 29 октября 2025 года, парижский прокурор Лор Бекко вышла на пресс-конференцию и фактически дезавуировала эту версию. Отвечая на прямой вопрос журналистов о том, было ли ограбление делом рук инсайдера, она заявила: «На данном этапе нет никаких доказательств того, что у грабителей были сообщники среди сотрудников музея». Это заявление прозвучало как холодный душ для тех, кто уже поверил в стройную теорию заговора. При этом Бекко не отрицала сам факт расследования в этом направлении – она лишь констатировала отсутствие доказательной базы спустя десять дней после преступления.

Ни одно СМИ, включая The Telegraph, так и не назвало имени охранника. Детали его биографии, возраст, стаж работы в Лувре – все это осталось за кадром. Журналисты оперировали лишь общими формулировками: «один из сотрудников службы безопасности», «член охраны музея». Не было даже намека на то, задержан ли этот человек, допрошен ли, находится ли под стражей или продолжает работать.

На сегодняшний день конкретного имени инсайдера не существует в публичном пространстве. Есть лишь противоречие между анонимными источниками, утверждавшими, что охранник помог грабителям, и официальной позицией прокурора, заявившей об отсутствии доказательств внутренней помощи. Возможно, следствие действительно располагает цифровыми следами, но пока не готово их обнародовать. Возможно, информация The Telegraph оказалась преждевременной или неточной. Ясно одно: вопрос о том, кто именно в Лувре мог открыть дверь грабителям, повис в воздухе и, вероятно, еще долго будет оставаться предметом журналистских расследований.

Цифровые следы

Французская прокуратура, ссылаясь на тайну следствия, не публиковала и не комментировала детали материалов о цифровых уликах. Однако совокупность сообщений анонимных источников в британской и израильской прессе позволяет составить достаточно подробную картину того, что именно обнаружили детективы.

Первое и главное: в распоряжении следствия оказались записи телефонных разговоров. Анонимный источник The Telegraph прямо заявил: «Есть цифровые криминалистические доказательства, которые показывают, что имело место сотрудничество с одним из охранников музея и грабителями». Эти доказательства включают в себя не просто факт соединения, а содержание переговоров – то есть прослушку или данные снятых с мобильных устройств логов. Израильский канал N12, ссылаясь на источники в привлеченной к расследованию частной компании CGI Group, уточнил: речь идет о биллинге телефонных звонков, то есть о детализации соединений, которая позволяет установить, кто, когда и с кем разговаривал.

Второй пласт цифровых улик – переписка. Та же The Telegraph сообщила, что у детективов есть доступ к текстовым сообщениям (SMS), которыми обменивались предполагаемый инсайдер и члены банды. LBC со ссылкой на тот же источник подтвердил: «доказательства включают записи и текстовые сообщения». Другие издания также упомянули, что следствие установило факт контактов охранника с лицами, подозреваемыми в совершении преступления, «до ограбления». Это ключевая деталь: речь идет не о случайных звонках после кражи, а о связи на этапе подготовки.

Третий элемент – характер переданной информации. Согласно источникам, охранник слил грабителям «чувствительные данные о безопасности музея». Благодаря этой информации преступники знали о том, что камера на фасаде здания направлена в противоположную сторону от окна, через которое они проникли. Они также были осведомлены о времени смены охраны, о расположении датчиков и, возможно, о том, какие именно окна не имеют бронирования и сигнализации. Без этих данных, как отметили источники N12, «злоумышленники не отважились бы на грабеж».

Любопытно, что информация о причастности охранника поступила не только от французской полиции, но и от израильской частной разведывательно-аналитической компании CGI Group, которую привлекли к расследованию. Эта компания, основанная бывшими сотрудниками контрразведки, ранее участвовала в поиске похищенных сокровищ Дрезденского музея. Именно ее специалисты, по данным канала N12, выявили цифровые следы, связавшие охранника с преступниками.

Средства связи

Главный вывод, который следует из материалов расследования: передача информации велась по нескольким каналам, и все они оставили цифровые следы. Детективы, по данным The Telegraph, обнаружили «цифровые криминалистические доказательства» сотрудничества охранника с преступниками. Эти доказательства включают в себя как минимум три вида цифровых коммуникаций.

Первый и самый очевидный канал – телефонные звонки. Анонимные источники в британской прессе прямо указывают, что в распоряжении следствия имеются «записи телефонных звонков», фиксирующие обмен информацией между сотрудником Лувра и лицами, подозреваемыми в подготовке преступления. Австрийское издание Kronen Zeitung, ссылаясь на те же источники, уточняет, что речь идет не просто о фактах соединения, а о содержании разговоров – то есть о прослушке или данных, снятых с мобильных устройств. Это означает, что следователи располагают не только биллингом, но и аудиозаписями переговоров.

Второй канал – текстовая переписка. Множество источников, включая The Telegraph, сообщают о наличии «сообщений» или «переписки», которые подтверждают подозрения. Речь идет, вероятно, об SMS-сообщениях или переписке в мессенджерах. Тот факт, что следствие квалифицирует эти материалы как доказательства, говорит о том, что они были изъяты либо с телефона подозреваемого охранника, либо с устройств задержанных членов банды. Интересно, что израильская частная разведывательная компания CGI Group, привлеченная к расследованию, также участвовала в выявлении этих цифровых следов, используя свои технологии для анализа данных.

Третий, более сложный канал, который не исключается следствием, – это передача информации через посредников или с использованием зашифрованных приложений. Однако прямых указаний на использование именно таких технологий в материалах о предполагаемом охраннике нет. Зато известно, что сами грабители, уже после ограбления, пытались выйти на связь с потенциальными покупателями через даркнет, используя зашифрованные каналы и ограничивая время переговоров 24 часами. Это показывает, что преступники были знакомы с методами анонимной цифровой коммуникации, и не исключено, что они применяли их и на стадии подготовки, общаясь с инсайдером.

Камера на фасаде

Камера на фасаде здания не меняла положение в день ограбления. Это не было временной оплошностью или разовым сбоем в день ограбления. Речь идёт о системной, годами существовавшей проблеме, о которой руководство музея неоднократно предупреждало власти.

Директор Лувра Лоранс де Кар на слушаниях в Сенате 22 октября 2025 года, через три дня после ограбления, дала исчерпывающие показания. Она прямо заявила, что система наружного видеонаблюдения музея «очень неудовлетворительна» и не покрывает все фасады здания. Отвечая на вопросы сенаторов, она уточнила: «К сожалению, со стороны Галереи Аполлона единственная установленная камера направлена на запад и поэтому не охватывала балкон, затронутый взломом».

Иными словами, камера была смонтирована и ориентирована таким образом, что зона окна, через которое проникли грабители, находилась вне её поля зрения постоянно. Это было не временное положение, а конструктивная особенность установки. Директор подчеркнула, что парк камер устарел, некоторые из них – настолько, что их невозможно интегрировать с современными технологиями. Она также сообщила, что, вступив в должность в 2021 году, сразу же запросила отчёт о состоянии безопасности и указывала на эти недостатки, но её предупреждения не были услышаны вовремя.

Давид Декло

Давид Декло – фигура настолько колоритная, что его появление в истории с ограблением Лувра кажется насмешкой судьбы. Профессиональный взломщик, переквалифицировавшийся в стендап-комика, он за несколько лет до кражи предупредил музей о той самой брешке, через которую проникли грабители. Ирония сюжета достигла той степени, когда реальность перестает уступать вымыслу.

Декло вырос в Кане, в Нормандии. Его криминальная биография началась рано и неприятно: с краж еды в детстве. Затем последовали универмаги, банки, и к моменту расцвета карьеры он стал специалистом высочайшего класса по нейтрализации сигнализаций. Вершиной его воровского искусства стала операция в конце 1990-х годов. Декло и его сообщники потратили месяцы на то, чтобы прорыть тоннель через городскую канализацию и выйти прямо в хранилище банка Société Générale. Произошло это на Рождество.

Внешность Декло соответствует его биографии. Голос, манеры, взгляд – все выдает в нем профессионала, который знает цену тишине и секундам.

В 2020 году Лувр пригласил Декло для участия во внутреннем подкасте, посвященном исторической краже 1792 года. Музей хотел получить взгляд эксперта на преступление двухвековой давности, а получил пророчество о грядущем. Прогуливаясь по Галерее Аполлона, Декло сразу указал на окна. Его слова, запомнившиеся собеседникам, звучали убийственно просто: «Вы видели эти окна? Это пара пустяков. Можно представить что угодно – людей в маскировке, проникающих через окна. Через окна – даже с крыш – есть масса способов проникнуть внутрь».

Он обратил внимание на витрины, которые заменили в 2019 году. Старые витрины, по его словам, были спроектированы так, что при попытке взлома сокровища могли падать в безопасное место. Новые оставляли драгоценности в пределах досягаемости. Декло был краток: «Это непостижимо – они поменяли витрины, оставив украшения в зоне досягаемости. Вы облегчаете работу грабителям».

Свои опасения Декло высказал не в эфире, а после записи – одному из сотрудников, отвечавших за производство подкаста. Директору музея он ничего не говорил. Он объяснил это просто: «Я не мог сказать в подкасте: "Идите грабить". Это дало бы идею многим другим».

Когда 19 октября 2025 года грабители в светоотражающих жилетах проникли через окно Галереи Аполлона, Декло оставалось только развести руками. «Точно то, что я предсказал. Они пришли через окна... пришли, взяли и ушли». Он отметил и выбор времени: «Делать это среди бела дня, в час открытия – это отключает первый слой сигнализации. У вас есть пять-семь минут до приезда полиции». Для него, человека, знающего цену секундам, все было очевидно. Смаз-энд-грэб – это хореография: репетиция, секундомер, мышечная память.

Сам Декло к ограблению непричастен. Он подчеркивает это особо. Но его судьба после кражи сложилась парадоксально: бывший взломщик, предупреждавший музей, стал главным свидетелем обвинения против музейной халатности. Он дал интервью Associated Press прямо у стеклянной пирамиды Лувра, и его слова облетели мир.

Декло ведёт шоу «Hold-Up» – «Ограбление». Он зарабатывает тем, что смешит людей историями из своей прошлой жизни. Материал для монологов у него безупречный.

Что касается похищенных сокровищ, Декло не питает иллюзий. Он оценивает шансы на то, что драгоценности уцелеют, в 5–10 процентов. «Есть 90–95 процентов вероятности, что драгоценности будут разобраны и камень за камнем пущены в переплавку». Его рецепт для Лувра прост и жесток: убрать оригиналы в хранилище Банка Франции, а в витринах выставить копии. «Настоящие должны быть в Банке де Франс», – говорит он. Интересно, что после ограбления остатки коллекции французской короны действительно перевезли в подвалы центрального банка, туда, где лежат золотой запас нации и записные книжки Леонардо да Винчи.

Декло теперь повторяет только одну фразу: «Они должны были послушать». Они не послушали. Ирония судьбы: бывший грабитель оказался единственным, кто говорил правду о безопасности, а музейные эксперты, получавшие зарплату, эту правду проигнорировали.

Пароль «Louvre»

История с паролем «Louvre» стала, пожалуй, самой сюрреалистичной деталью во всем деле об ограблении века. Информация об этом впервые появилась во французской газете Libération 1 ноября 2025 года и мгновенно облетела мировые СМИ, превратив Лувр в объект насмешек со стороны специалистов по кибербезопасности. Однако реальность оказалась сложнее и печальнее, чем простая анекдотическая ситуация.

Кто именно из сотрудников музея рассказал прессе о пароле, остается открытым. Есть непроверенные сведения СМИ, что это был сотрудник, имеющий непосредственный доступ к системе видеонаблюдения, и что он решил рассказать об этом, вероятно, после того, как в мире начали обсуждать ограбление и недостатки системы безопасности.

Французская газета Libération, на которую ссылаются все мировые СМИ, – не называет имя конкретного сотрудника. Газета получила доступ к конфиденциальным документам – отчетам Национального агентства кибербезопасности Франции (ANSSI). Именно эти документы, а не устные признания анонимного работника, стали основой скандальной публикации, которая привела к целому медийному взрыву.

Показательно, что пресс-служба Лувра отказалась комментировать информацию об использовании слова «Louvre» в качестве пароля. Это молчание лишь подлило масла в огонь общественного возмущения.

В этой истории есть одно «но». Пароль «Louvre» действительно существовал, однако он был обнаружен не в день ограбления, а в ходе аудита, проведенного ANSSI в 2014 году. Более чем за десять лет до кражи эксперты по кибербезопасности вскрыли эту чудовищную уязвимость.

Аудит 2014 года показал, что для доступа к серверу, управляющему видеонаблюдением музея, достаточно было ввести слово «Louvre». Более того, пароль к одной из программ безопасности, разработанной компанией Thales, был установлен как «Thales». Эксперты ANSSI вежливо описывали такие пароли как «тривиальные».

Проблема заключалась не только в паролях. Вся система безопасности Лувра работала на катастрофически устаревшем оборудовании: использовались операционные системы Windows 2000, Windows XP, Windows Server 2003, поддержка которых производителем давно прекращена. Программное обеспечение Thales, о котором идет речь, было разработано в 2003 году, а в 2019 году закончился даже контракт на его обслуживание.

Ключевой момент: нет никаких доказательств, что пароль оставался неизменным с 2014 года вплоть до ограбления 2025 года. Специалисты по кибербезопасности подчеркивают: аудит, выявивший проблему, проводился более десяти лет назад, и мы не знаем, изменили ли в музее пароль после этого предупреждения.

Но даже если пароль в конце концов изменили, сама по себе ситуация говорит о фундаментальных проблемах в управлении безопасностью. ANSSI в 2014 году прямо предупреждало: «Взломав систему защиты, злоумышленник может облегчить повреждение или даже

кражу произведений искусства». Однако последующие проверки показывали, что предупреждения игнорируются. Аудит 2015 года выявил «серьезные недостатки» в устаревших системах. В 2017 году новый отчет вновь констатировал «наличие серьезных недостатков». В 2025 году, буквально перед ограблением, полицейская проверка установила, что информационная система музея «требуется модернизации».

Директор Лувра Лоранс де Кар, выступая перед Сенатом после ограбления, фактически признала системный провал. Она говорила о «слабости» в системе безопасности периметра, о недостаточном инвестировании, об устаревшей и местами отсутствующей технической инфраструктуре. Счетная палата Франции упрекала руководство музея в том, что оно предпочитало тратить бюджеты на приобретение новых произведений искусства, а не на укрепление безопасности.

Визиты грабителей в Лувр

Официальное следствие не обнародовало никаких данных о фиксации предварительных визитов грабителей в Лувр. Нет ни одного сообщения о том, что система видеонаблюдения музея зафиксировала подозрительных лиц, которые приходили в галерею в дни, предшествовавшие ограблению, и вели себя не так, как обычные туристы. Прокурор Парижа Лор Бекко, подробно описывая ход расследования, упоминала о тщательном анализе видео с камер наблюдения, но речь шла о съемке самого преступления и пути отхода грабителей, а не о ретроспективном поиске их в архивах за предыдущие недели.

Отсутствие такой информации может объясняться несколькими причинами. Во-первых, следуя логике расследования, если у следствия есть веские доказательства причастности конкретных лиц на основе ДНК и других улик, вопрос о том, проводили ли они визуальную разведку, становится второстепенным. Во-вторых, в условиях, когда системы видеонаблюдения Лувра, по признанию его директора, были «сильно устаревшими» и не покрывали все фасады, вполне вероятно, что внутренние камеры также могли иметь «слепые зоны» или низкое качество записи, не позволяющее надежно идентифицировать всех посетителей за месяцы до кражи. Масштабный аудит безопасности, выявивший, что музей работает на устаревших системах, некоторые из которых не обновлялись с 2000-х годов, косвенно подтверждает, что архивы видеонаблюдения могли быть неполными или трудными для анализа.

Гипотеза о предварительной разведке выглядит абсолютно разумной и профессиональной, и грабители действительно могли вычислить, что охрана их не заметит, просто понаблюдав за работой зала в обычный день. Но документального подтверждения этому нет. Следствие сосредоточилось на более осязаемых уликах – угнанном грузовике, брошенных инструментах, следах ДНК – и на версии о возможном инсайдере, который мог предоставить преступникам всю необходимую информацию о системе безопасности, сделав личную разведку излишней.

Компания Securitas

Компания Securitas AG была основана в Швейцарии еще в 1907 году полковником Якобом Шпренгом и изначально занималась охраной железнодорожных вокзалов и массовых мероприятий. За более чем столетнюю историю она превратилась в крупного игрока на рынке охранных услуг, работая с объектами самого разного уровня – от частных патрулей до охраны официальных визитов глав государств и даже посольств в зонах конфликтов. Однако важно отметить, что история компании, зафиксированная в открытых источниках, описывает преимущественно её деятельность в Швейцарии. Контракт с Лувром, скорее всего, выполняет французское подразделение или дочерняя компания этого международного холдинга, и детали этого соглашения публично не раскрываются.

Из материалов парламентского расследования, обнародованных в декабре 2025 года, следует, что охранники Securitas были не просто статистами, а ключевыми фигурами в той самой цепочке событий, где фатальную роль сыграли секунды. Глава Генеральной инспекции по делам культуры Франции Ноэль Корбен прямо заявил на слушаниях в Сенате, что «за 30 секунд сотрудники охранной компании Securitas или полицейский патруль на машине могли бы предотвратить бегство грабителей». Эти полминуты были потеряны из-за череды сбоев: устаревшее оборудование не транслировало изображение с камер в реальном времени, а главное – охранники, заметив вторжение, не смогли точно указать полиции, с какой стороны здания происходит взлом. В результате патруль был направлен к площади Каррузель, тогда как грабители скрывались с противоположной стороны.

Самый острый вопрос – о возможной утечке информации со стороны сотрудников Securitas – также остается без официального подтверждения. В октябре 2025 года британская газета The Telegraph сообщила со ссылкой на источники, что следствие располагает данными о контактах одного из охранников с преступниками до ограбления и записями переписки. Прокуратура Парижа подтверждала, что версия о внутреннем сговоре рассматривается. Однако в более поздних отчетах парламентской комиссии, где детально разбирались «слепые зоны» и ошибки координации, имя Securitas фигурирует исключительно в контексте опоздания на полминуты, а не в контексте предательства. Прямых обвинений в адрес конкретных сотрудников этой компании в итоговых документах не предъявлено. На сегодняшний день это остается версией, которую следствие не опровергло, но и не подтвердило официально.

Разведывательно-аналитическая компания CGI Group

CGI Group – израильская частная разведывательно-аналитическая компания, которая неожиданно оказалась в центре скандала вокруг ограбления Лувра. Ее появление в этом деле породило противоречия, обнажившие сложную динамику между официальным следствием, страховщиками и самим музеем.

CGI Group была основана в 1989 году в Тель-Авиве. Ее бессменным руководителем является Звика Наве (Zvika Naveh), человек, известный своей скрытностью и прямым подходом к сложным делам. Однако ключевая фигура, определяющая вес компании в мире разведки, – это ее президент Яков Пери (Yacov Perri). Пери – бывший директор Шин Бет, службы внутренней безопасности Израиля. Назначение человека такого уровня главой частной фирмы говорит о глубине связей CGI с государственными структурами и о том, что компания работает на стыке частного сыска и национальной безопасности.

CGI позиционирует себя как эксперта в области бизнес-разведки, стратегического консалтинга и кибербезопасности. Штат компании состоит из бывших офицеров разведки, киберследователей и экспертов по криминалистике. Французское издание FrenchWeb описывает сферу деятельности CGI как вмешательство в дела, где пересекаются культурные, финансовые и геополитические аспекты.

Но успех в расследовании дрезденской кражи стал для Лувра главным аргументом в пользу привлечения израильтян.

В ноябре 2019 года из дрезденского музея «Зеленые своды» (Grünes Gewölbe) были похищены бесценные сокровища XVIII века. Немецкая полиция оценила ущерб в 113 миллионов евро. Кража потрясла Германию. По данным издания FrenchWeb, CGI Group сыграла ключевую роль в разрешении этого дела, помогла отследить каналы сбыта и выявить посредников, причастных к отмыванию похищенных драгоценностей. Израильская Wikipedia уточняет, что в декабре 2019 года CGI была нанята попечительским советом Дрезденского замка, а уже в январе 2020 года анонимы вышли на компанию и предложили вернуть два крупных украшения из похищенного комплекта за вознаграждение в размере около девяти миллионов евро.

Портфолио CGI включает и другие резонансные дела. В 2018 году компания обнаружила аудиозапись, свидетельствующую о планах экс-президента Грузии Михаила Саакашвили нанять киллера для убийства лидера правящей партии Бидзины Иванишвили. В 2019 году CGI работала на израильскую политическую партию «Кахоль-Лаван», расследуя утечки из ее штаба. Тогда же компания подготовила для второго по величине банка Австрии Raiffeisen отчет, в котором топ-менеджмент подозревался в получении взятки в пять миллионов евро за одобрение крупного кредита.

Ситуация с расследованием кражи в Лувре оказалась запутанной с первых дней. Генеральный директор CGI Group Звика Наве 19 октября 2025 года заявил агентству AFP, что музей «экстраординарным образом» обратился к его компании с просьбой установить личности грабителей и найти похищенное. Наве прямо сослался на дрезденский успех как на причину выбора.

Однако руководство Лувра мгновенно и категорически опровергло это заявление. Представитель музея заявил, что администрация не нанимала и не контактировала с CGI.

В ответ на это Звика Наве пояснил, что запрос поступил не напрямую от руководства Лувра, а через посредника, действующего в интересах музея и других сторон, включая страховые компании. Он подчеркнул, что заказчиком могла выступить страховая фирма, ее юристы или любое другое лицо, связанное с музеем, вплоть до министерства. Наве указал на конфликт интересов: у музея, страховщиков и службы безопасности, допустившей ошибки, разные цели, и официальная полиция вряд ли приветствует участие частных израильских детективов.

Итальянское издание Il Tempo в апреле 2025 года сообщило, что CGI Group открыла офис в Риме и среди прочих клиентов упомянуло Немецкий музей Дрезден и австрийский банк Raiffeisen. Однако, как и в случае с Лувром, дрезденский музей официально отрицал факт сотрудничества с CGI, на что Наве отвечал той же фразой: «Они могут говорить все, что хотят».

Информация о конкретных технологиях, использованных для выявления цифровых следов сообщников грабителей Лувра, в открытых источниках отсутствует. Однако официальный сайт CGI и пресса позволяют составить представление об арсенале компании.

CGI активно использует методы цифровой криминалистики и реагирования на инциденты (DFIR). Это позволяет восстанавливать удаленные данные, анализировать кибератаки и отслеживать перемещение информации. В британском подразделении CGI работает команда DFIR, сертифицированная по стандарту CREST, что является знаком качества в области кибербезопасности.

Компания применяет комбинацию лицензионного и открытого программного обеспечения для расследований. По данным FrenchWeb, CGI также мониторит даркнет для выявления попыток сбыта украденных предметов искусства. В портфеле услуг CGI значатся анализ угроз, управление рисками, тестирование на проникновение, и Incident Response & Forensics.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.